

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

«ТЕПЕРЬ „РУССКАЯ ИСТОРИЯ“ И „КЛЮЧЕВСКИЙ“ СЛИЛИСЬ»**

В. В. РОЗАНОВ О В. О. КЛЮЧЕВСКОМ

Получено: 05.05.2026. Рецензировано: 17.06.2026. Принято: 31.08.2026.

Аннотация: Василий Васильевич Розанов (1856–1919) на протяжении жизни писал о многом — начиная с теории эволюции и заканчивая статьями о театре: в принципе, ничего удивительного для газетчика, особенно того, кто более полутора десятилетий пишет в ежедневной большой газете. Но Розанов, о чем нередко забывают, был университетским человеком — в 1878–1882 гг. обучался на историко-филологическом факультете и окончил его столь успешно, что получил от одного из самых известных (и влиятельных) профессоров, В. И. Герье, занимавшего кафедру всеобщей истории, предложение остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Биография Розанова, как известно, сложилась иначе — он выбрал путь провинциального гимназического учителя, преподавал историю и географию, чтобы вскоре осознать, насколько не его призвание учительское дело — и затем потратить многие годы, чтобы выбраться из той житейской ловушки, которую сам себе приготовил. Оглядывая публицистику Розанова в целом, трудно не признать, что тема университета является у него одной из постоянных, как и обращение к университетским воспоминаниям. Регулярным спутником этих воспоминаний, а в последнее десятилетие жизни Розанова — и объектом самостоятельного интереса был один из его университетских наставников — Василий Осипович Ключевский (1841–1911). Розанов принадлежал к числу первых слушателей его университетских лекций — тех, которым вскоре предстояло снискать общемосковскую, а затем и всероссийскую известность. В статье мы последовательно выявили массив отзывов Розанова о Ключевском (к сожалению, насколько известно, отзывов Ключевского о Розанове не сохранилось), с первого печатного упоминания историка и вплоть до записей 1917–1918 гг., и проанализировали (преимущественно в хронологической последовательности) развернутые высказывания Розанова о Ключевском. В итоге получилось реконструировать достаточно объемный и динамичный во времени образ Ключевского в текстах Розанова, дающий — помимо понятного интереса с точки зрения понимания публичного образа историка — дополнительный материал для понимания воззрений Розанова, поскольку в конце 1900-х – 1910-е гг. первый во многом выступает если не «двойником», то «зеркалом» для Розанова, отражая часть его устремлений и в то же время давая материал для самокритики.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@outlook.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Ключевые слова: историография, история университетов, Московский университет 1870–1880-х гг., русская история, славянофильство.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-129-166.

Литература об отношении В. В. Розанова к В. О. Ключевскому, розановских суждениях о нем по существу сводится, за исключением небольших экскурсов в биографических работах о первом (Николюкин, 1998: 62–63; Фатеев, 2013: 73–74), к статье В. А. Фатеева в «Розановской энциклопедии» (Фатеев, 2008; см. также: Исупов, 2013)¹. Сразу же отметим большую ценность этой статьи — в ней почти с исчерпывающей полнотой осуществлена систематическая сводка хоть сколько-то развернутых высказываний Розанова о Ключевском.

Наша же задача в данном случае — рассмотреть логику этих отзывов (с привлечением ряда второстепенных, закономерно оставленных Фатеевым за пределами общего обзора) и реконструировать динамику представлений Розанова и тот образ Ключевского, который формирует Розанов после смерти историка, в последние годы отпущенной ему жизни.

Прежде всего напомним биографический контекст. Хотя сам Розанов много сделал для формирования собственного образа как человека далекого от академической учености, «костромского мужичка», — как нередко бывает, образ его довольно сильно расходится с реальностью. Он не просто получил сначала довольно серьезное образование в «гимназиях Костромы (1868–1870), Симбирска (1870–1872) и Нижнего Новгорода (1872–1878), переезжая из города в город с семьей брата²» (Сукач, 2008: 9)³, но и более чем успешно закончил Московский университет (где обучался с 1878 по 1882 г.). Во время учебы в университете Розанов

¹Насколько нам известно, в существующей литературе отзывов В. О. Ключевского о В. В. Розанове и о творчестве последнего не зафиксировано.

²Речь в данном случае идет о Николае Васильевиче Розанове (1847–1894), выпускнике Казанского университета, затем гимназическом учителе (преподавал в Нижнем Новгороде историю и географию, как впоследствии в Брянске, Ельце и Белом будет преподавать и его младший брат; см. Фатеев, 2013: 41–42), потом дошедшем до должности директора гимназии (Сукач, 2008: 8).

³В аттестате, полученном им в Нижегородской гимназии, стояли следующие баллы: «Закон Божий — 4, русский язык и словесность — 3, логика — 4, латинский язык — 3, греческий язык — 3, математика — 3, физика — 3, история — 4, география — 3, французский язык — 3» (Николюкин, 1998: 59).

получал стипендию им. Н. В. Исакова (за работу «Логика поведения», 1881 г.) и им. А. С. Хомякова (работа неизвестна). [...] Окончил университет со званием кандидата, защитив диссертацию «Князь М. М. Щербатов...». Герье рекомендовал Розанову остаться при университете и готовить научную диссертацию (В. Г. Сукач в данном случае имеет в виду подготовку магистерской диссертации, примерно соответствующей нынешней кандидатской. — А. Т.), но тот отказался (Сукач, 2008: 12)⁴.

В 1908 г., через тридцать лет после того, как впервые перешагнули двери университета, Розанов писал:

...мы, студенты и профессора Московского университета, задавали себе [вопрос] о нужде или ненужности *слушания* лекций, когда, во-первых, все то же прочтешь в *литографированных* лекциях, а, главное, во-вторых, прочтешь это же и даже лучшее в печатных книгах и особенно в *немецких*. По-видимому, *слушать* нечего было, и студенты даже самого прилежного историко-филологического факультета только с начала Великого поста начинали в сколько-нибудь сносном числе приходить на лекции. До поста же едва ли наведывались в университет. Это было в 1878–1882 годах. Но вот прошло 25 лет с тех пор, и университет — не литографированные лекции, а именно университет — стоит весь и целый передо мною. Ни одна черта не потерялась, не забылась, и, кажется, все эти черты именно теперь, под старость, необычайно выросли. Да и не только под старость лет: всю мою жизнь, все эти 25 лет я, собственно, питался внутренне и молча, не говоря и даже почти не благодаря, именно университетом, а не какими-нибудь читаемыми тогда или потом книгами, лекциями и проч.; питался им как *живым безотчетным обаянием*, как *громадной коллективной личностью*... Между тем *тогда*, в пору самого учения, это не сознавалось, и я так же небрежно, как и все прочие, посещал лекции. Профессора Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, В. О. Ключевский, В. И. Герье, и даже Н. А. Попов, Г. А. Иванов *et alii minores*, включая до теперешнего министра просвещения г. Шварца, — все вошли в память незабываемо и стоят в ней положительным и отрицательным знаком (Розанов, 2004а: 104).

⁴См. противоположный типичный отзыв, опирающийся на прямолинейное прочтение некоторых отзывов Розанова об университете и времени, проведенном в нем: Голлербах, 1976: 10–11; с характерным финалом: «Так или иначе, но Розанов окончил историко-филологический факультет (Московского университета) и сделался преподавателем истории и географии» (там же: 11). Характерен сдвиг в представлениях о Розанове в университете и его отношении к университету между первым, ранним вариантом работы Фатеева (Фатеев, 1991: 29 и сл.), где уже с небольшими оговорками, но воспроизводится традиционный взгляд, и итоговым жизнеописанием Розанова, вышедшем в 2013 г., где автор отмечает: «О всевозможных мелочах своей биографии Розанов пишет подробно и по несколько раз, сведения же о его успехах обычно приходится выискивать в других источниках или черпать из его косвенных упоминаний» (Фатеев, 2013: 85).

И вновь в том же году — но, в отличие от прошлой заметки, помещенной в «Русском слове» за подписью «В. Варварин», — уже в «Новом времени», под своим именем⁵:

Я помню уже на своей памяти, что в 1878–1882 гг. аудитории начинали еле-еле наполняться с первой недели Великого поста. Это были уже студенты ничего себе, хорошие. На 3-й, 4-й неделе подбавлялись слушатели и плохие. Отличных слушателей, то есть систематически следивших за *смыслом* курса, было из каждой сотни человек десять. Правда, таких профессоров, как Тихонравов, Ключевский, Буслаев, слушал полный комплект. Их слушать было то же, что читать Тургенева: *уверен* — так же образовательно, воспитательно. Влекло обаяние и лица, и чтения. Тут, я думаю, искусство и восприятия и выражения; но это — не труд, не наука в чернорабочем, ежедневном смысле.

Я был на историко-филологическом факультете. В лице профессуры (сколько чувствовалось) этот факультет особенно уважался как самый прилежный, «наукообразный», культурный. На прочих факультетах посещали лекции еще меньше (Розанов, 2004а: 232).

Наибольшее впечатление из профессоров на молодого Розанова произвел Ф. И. Буслаев — о нем он будет неизменно говорить с необычайным теплом и признательностью (см. Николюкин, 2008а)⁶; близкие отношения сложатся у него с В. И. Герье — с которым он будет поддерживать связь до конца жизни и к которому и многие годы спустя будет обращаться (и не без ответа) с просьбами о поиске ему подходящего места (см., например: Розанов, 2010: 487)⁷.

Розанов принадлежал к тому курсу, который первым встретил Ключевского на университетской кафедре — и эти воспоминания, о появлении нового лица, отразились в позднем тексте. В первом, написанном почти сразу же по получении известия из Москвы, отклике на кончину Ключевского⁸ он скажет:

...Ключевского нельзя представить, чтобы он родился в Пензе «на главной улице». Непременно — «в переулочке». Не знаю, но почему-то мне не кажется, чтобы он когда-нибудь получил «золотую медаль». Вообще в нем

⁵ Университет и студенчество (Новое время. — 1908. — 6 августа. — № 11638).

⁶ С. Н. Дурылин отмечал, что о Буслаеве Розанов не мог говорить «без волнения и благодарного умиления» (Дурылин, 2006: 111).

⁷ О Герье и его роли в истории высшего образования см., в частности: История идей и воспитание историей..., 2008; Цыганков, 2008; 2010.

⁸ Памятка о Ключевском (Новое время. — 1911. — 20 мая. — № 12638).

была поразительная «невыветочность»⁹. Известно, мы «выставок» не умеем устраивать; и «монументы» у нас тоже выходят нелепые. Не ко двору... Так и Ключевский долго-долго «терся» где-то в Троице-Сергиевой лавре; до середины своего возраста... И только к концу жизни, без усилия, без старания, без соперничества, — решительно «затенил» собою историков до него (Розанов, 2005b: 103).

Здесь сказались воспоминания, связанные с приходом Ключевского на кафедру Московского университета — примечательно, что и однокурник Розанова (вместе с ним и М. К. Любавским получивший высшие баллы на государственных экзаменах в 1882 г.) П. Н. Милоков¹⁰ в совсем поздних воспоминаниях аналогично в первую очередь называл в связи с Ключевским (с которым его связывали более чем сложные отношения) Духовную академию: «Студенты моего курса были первыми слушателями Ключевского, после того как он из Духовной академии и Александровского военного училища стал наконец университетским преподавателем» (Милоков, 1991: 77). На деле Ключевский служил в Александровском военном училище к моменту появления в университете долее всего — с 1867 г., когда он по рекомендации С. М. Соловьева получил там должность репетитора (Нечкина, 1974: 137), а в 1872 г., после защиты Ключевским магистерской диссертации, Соловьев уступил ему тамошнюю кафедру; тогда же, с лета 1872 г., Ключевский взял на себя чтение лекций на Высших женских курсах, где и преподавал вплоть

⁹См., например, характерное — в письме Ключевского другу юности, с которым его на протяжении десятилетий связывали близкие отношения, П. П. Гвоздеву, по поводу вышедшей первой книги, «Сказания иностранцев...»: «А книжонки *моей* до сих пор не достал: вчера только узнал, что назначенные мне экземпляры валяются где-то в университетской типографии. Надеюсь скоро выправить и постараюсь очистить закоптевшую свою совесть» (Ключевский, 1924: 114, письмо от 22 января 1867 г.); и в следующем письме, от 16 февраля 1867 г., извещая о большой книжной посылке (с книгами, заказанными Гвоздевым): «Десять экземпляров моего недопеченного печенья. Раздай их по надписям и при этом держи речь на тему, что об ученических писаниях, как о мертвых, *aut bene, aut nihil*, то есть читать их не следует» (там же: 116–117). Или, например, о работе над «Древнерусскими житиями...» в письме к тому же корреспонденту от 30 марта 1870 г.: «Спешу домарать свою книжицу» (там же: 124). М. В. Нечкина в свое время обратила внимание, что Ключевский с первого издания «Древнерусских житий...» (1872) придерживался для своих книг одного и того же формата — чуть уменьшенного (Нечкина, 1974: 241), сторонясь любой монументальности — в том же формате будет он выпускать и свой «Курс...», его же соблюдет и Я. Брасков, ученик Ключевского, подготовив в 1919 г. публикацию пятой части «Курса», опираясь на литографированное издание курса 1883–1884 гг. (Ключевский, 1921).

¹⁰См. оставленный Розановым в книге «Когда начальство ушло...» (1910) любопытный полумемуарный очерк, связанный с Милоковым и Ключевским (Розанов, 2005a: 110).

до самого их закрытия (Нечкина, 1974: 172; см. речь Ключевского на закрытии курсов: Ключевский, 1983: 178–180). В Московской духовной академии он стал преподавать с 1871 г. (и преподавал вплоть до 1907 г.), когда его благожелатели из Троице-Сергиевой лавры воспользовались правом защитить первую книгу Ключевского (его университетское сочинение «Сказания иностранцев...», 1867) в качестве диссертации.

Тем самым сказать буквально, что «Ключевский долго-долго „терся“ где-то в Троице-Сергиевой лавре; до середины своего возраста...», неверно, но это отражало студенческие восприятия того момента, когда Ключевского после смерти Соловьева попечитель Московского учебного округа утвердил (12 октября 1879 г.) доцентом Московского университета:

Слух о том, что в ближайшие дни на кафедре знаменитого Соловьева появится новый, мало известный студентам лектор из семинаристов, разысканный где-то в недрах не то Духовной академии, не то военной школы, да еще главной работой которого является книга о житиях святых, вызывал недовольство значительной части студенчества. [...] будущие восторженные поклонники Ключевского на скамьях университетских аудиторий были в этот момент, как правило, отрицательно к нему настроены и, по ряду свидетельств, говорили о нем раздраженно (Нечкина, 1974: 195).

Вспоминая предшественника Ключевского, Розанов писал («Еще — памяти русского историка. (О С. М. Соловьеве)», 1916):

В Московском университете я застал С. М. Соловьева уже незадолго до его кончины. Он читал лекции в самой крошечной аудитории так называемого «нового здания», — именовавшейся у студентов и у сторожей, которые указывали новичкам-студентам, *где* каждая аудитория находится и *как* она называется, — «юридическою внизу». Это была плохо освещенная, небольшая комната первого этажа «нового здания»¹¹, где-то на границах между юридическим факультетом и историко-филологическим; отсюда, вероятно, и происходит странное название «юридическая внизу».

Парты студенческие были странные, дикие, ни с чем не сообразные; явно еще «от времен Белинского». Именно они были многосаженной длины, каких

¹¹ «Новым зданием» Московского университета по сей день именуется здание бывшего дома Пашковой (арх. В. И. Баженов), перестроенное под университетские нужды в 1833–1837 гг. (то есть уже после того, как в Московском университете учился Белинский) Е. Д. Тюриным. Название «нового» получило в отличие от расположенного в непосредственной близости главного корпуса университета, возведенного в 1786–1793 гг. по проекту М. Ф. Казакова и получившего наименование «старого» после приобретения нового здания.

не попадаете уже нигде в учебных заведениях и могли строиться только до начала всякой гигиены и всякой педагогики. Они были черные, мрачные и все были покрыты «работой перочинного ножичка», вырезающего фигурки и имена (Розанов, 2008а: 217)¹².

В первом отклике на смерть Ключевского Розанов сразу противопоставит его предшественнику, настаивая: «В нем не было ничего схематического, общечеловеческого. Можно представить себе англичанина, француза и немца в таком теле, в такой фигуре, с такими манерами, как С. М. Соловьев, П. Г. Виноградов... Уже как Тихонравов — такие „немцы не бывают“; а как Ключевский — совершенно не бывают, окончательно!» (Розанов, 2005b: 102)¹³. Еще при жизни Ключевского Розанов вспоминал:

¹²Ср. также с цитированными выше мемуарными фрагментами из статей 1908 г.: «Слушателей было очень мало, как и весь наш историко-филологический факультет был самый малочисленный в университете, — хотя в актовых отчетах он неизменно произносится первым среди всех других факультетов. И может быть, от этого среди историков и филологов было непоколебимое убеждение, что они суть самые важные слушатели университета, — занимаются самыми важными, ценными науками и призваны в стране играть самую первенствующую роль. Мы все тихо и уверенно думали, что 1) денег не ищем, 2) карьеры не ищем, 3) но — самые добродетельные и умные (история, филология, древний мир, связь с Renaissance'ом)» (Розанов, 2008а: 217–218).

¹³В 1909 г. Розанов вспоминал: «У Соловьева в последние годы его преподавания на лекциях бывало мало слушателей. Положив красивую, белую, большую руку на переднюю каемку кафедры, так что кисть ее вся была перед глазами студентов, и закрыв глаза, белый, седой старец с обыкновенным русским лицом говорил доктринальным, повелительным тоном обыкновенные истины, долженствующие разъяснить ход русской истории. Как в лице его все было обыкновенно, так в речи его все было обыкновенно. Не было своеобразно поставленного уголка, из которого вдруг брызнул бы свет на лица, на события. Да и „событий“ не было; были схемы. Он „разъяснял“ историю, предполагая факты ее известными. Он ничего не рассказывал, лиц никаких не очерчивал» (Розанов, 2004с: 405). О том же, разумеется, с совершенно иной интонацией, говорил Ключевский в речи «С. М. Соловьев как преподаватель», читанной в Историческом обществе при Московском университете 4 октября 1895 г., в годовщину смерти Соловьева: «Соловьев давал слушателю удивительно цельный, стройный нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов, взгляд на русскую историю [...]. Обобщая факты, Соловьев вводил в их изложение осторожной мозаикой общие исторические идеи, их объяснявшие. Он не давал слушателю ни одного крупного факта, не озарив его светом этих идей» (Ключевский, 1918: 33–34). В некрологе М. М. Ковалевскому (1916) Розанов, например, обозначит Соловьева как «старца» (наряду с Буслаевым: «два старца, доживавшие свой век» — Розанов, 2008а: 163) — и это можно было бы счесть сугубо за возрастное восприятие пожилых профессоров юным студентом, да к тому же и близости кончины Соловьева, вообще-то в момент поступления Розанова в университет бывшего лишь 58 лет от роду (родился в 1820 г.). Однако и Ключевский, впервые слушавший Соловьева в 1861 г., то есть едва переступившего 40-летний возраст, описывает его в письме своему другу по семинарии

И вот, через немного дней (после смерти Соловьева. — А. Т.) пошел говор, что в большой словесной аудитории (во 2-м этаже нового здания университета) новый профессор русской истории, В. О. Ключевский, будет читать первую пробную лекцию. Профессор же этот приглашен от Троице-Сергия, из духовной академии. Мы, студенты, никакого представления о нем не имели, и появлению его не предшествовало никаких слухов. [...]

Ни темы, ни хода мыслей «пробной лекции» я не помню: меня заняло в ней другое: строение мысли, строение фразы как словесного предложения. [...]

Все было страшно ново: ни на одного из наших университетских профессоров он не был похож. Нисколько! Полная им противоположность. [...]

Через 2–3 лекции его уже слушал весь факультет, всякий, кто мог (Розанов, 2004с: 406–407, 408)¹⁴.

В 1916 г., откликаясь на рецензию П. Б. Струве в редактируемой последним «Русской мысли» (1915, № 12) на «У Троицы в академии», Розанов выписывает слова Струве¹⁵:

Своеобразную прелесть такого сборника исторических матерьялов, как тот, который с великим пиететом издали бывшие воспитанники Московской духовной академии, составляет именно то, что здесь мы непосредственно воспринимаем, как духовное просвещение, дело церкви и духовенства претворяется в национальную культуру. [...] В. О. Ключевский — историк, с таким же правом принадлежащий к русской национальной культуре, как и Карамзин — художественный гений исторического прозрения и изображения. И в то же время Ключевский — первый и единственный подлинно гениальный в русской литературе попович. Так же как Пушкин или Лев Толстой порождены

сходно: «Сам он довольно толстый, красный, уже пожилой человек, с золотыми очками на носу» (Ключевский, 1924: 69, письмо от 27 октября 1861 г.).

¹⁴Впрочем, ни в университете, ни после личных связей между Розановым и Ключевским не существовало. В 1913 г. он вспоминал о Ключевском: «Как мало мы от него воспользовались! О, какое бедствие (профессора мне казались недоступными), что я не „попил у него (студентом) чайку“! Бесконечное бы за приметил в нем. Как (студентом) мне всегда хотелось пойти к профессору („боги“). Но боялся. Ведь не помнил хорошенько латинских спряжений. „С такими-то сведениями пойду“...» (Розанов, 2008а: 50–51).

¹⁵Это еще и попытка помириться с П. Б. Струве после громкого публичного скандала, вызванного статьей Струве «Большой писатель с органическим пороком. Несколько слов о В. В. Розанове» («Русская мысль», 1911, № 11 — см. современную републикацию: В. В. Розанов: pro et contra..., 1995а: 378–387). О настроении этого времени дочь вспоминала: «Он остался почти в одиночестве и замкнулся в себе. Статьи его почти перестали печатать, и положение его резко изменилось» (Розанова, 1995: 86). Последнюю попытку примириться со Струве Розанов предпримет в феврале 1918 г., в письме, вероятно, переданном через С. Л. Франка (см. Розанов, 1990: 804, прим. 3): «Петр Бернгардович, голубчик — перестаньте на меня сердиться: сотрудничество в „Русском слове“ и в „Новом времени“ — просто горе задавило...» (там же: 680).

и вскормлены дворянской стихией той же культуры, так Ключевский создан и воспитан «духовной» или «клирной» стихией той же культуры. По самому своему развитию он нераздельно связан с этой стихией, органически гораздо более связан с нею, чем его предшественник по университетской кафедре и тоже попovich — С. М. Соловьев (Розанов, 2008а: 43).

Эти слова Струве становятся основанием для финальной, завершающей небольшую статью Розанова реплики, посвященной именно Ключевскому:

Это — в отношении Ключевского — сказано очень хорошо. Ключевский как-то «удался в поповичах», тогда как Соловьев не очень удался; то есть на Ключевском легло и осталось гораздо больше специфически-духовного, специфически «даже семинарского» отсвета, отблеска, чем сколько лежало на Соловьеве. Кто слушал Ключевского, — помнит, до чего в каждом движении, в каждом даже жесте, и в складе речи, и в тоне голоса он был, что называется, «занесшийся фистулой в небеса дьячок», поющий херувимскую или концертное пение. Красиво, великолепно, исключительно; но думалось всегда: «Этак выводить ноты умеет дьячок на нашем селе» (там же).

В университете Розанов не мог остаться не только и даже не столько по той причине, которую называет один из основных его биографов, В. Г. Сукач, — что им руководило желание «заняться творческой работой» (Сукач, 2008: 12), — но по обстоятельствам одновременно и несколько более прозаическим, и романтическим: еще в 1880 г., в бытность студентом третьего курса университета (в связи с чем ему пришлось, по законам того времени, получать отдельное разрешение за подписью ректора университета), он женился на Аполлинарии Суловой — и в этом положении попросту не имел средств содержать семью в столице и одновременно готовиться к профессорской кафедре (к тому же в стремлении «в глушь» его подталкивало и желание удалить жену из соблазнительной атмосферы Москвы).

Довольно много лет спустя, в начале века на него нахлынет волна воспоминаний, когда он создаст целую серию полумемуарных очерков о временах своего студенчества, своей первой любви — очерков, преднамеренно слабо понятных «внешнему читателю»¹⁶. В очерке «Накануне дела»¹⁷ он вспоминал свой последний студенческий обед:

¹⁶См. в первую очередь очерк «Иван Ляпунов» — единственную прижизненную публикацию в «Новом времени» (1900 г., 16 июля — под псевдонимом «Ибис»), републиковано: Розанов, 1990: 648–655.

¹⁷Новое время. — 1901. — 13 июня. — № 9077.

Нельзя представить себе ничего оживленнее вечера 26 или 28 июля, когда несколько человек филологов собрались в крошечном номере меблированных комнат в Брюсовом переулке, в Москве. Как жених, прощаясь со своей молодостью, устраивает с товарищами накануне свадьбы мальчишник, так мы прощались в этот день с университетом и студенческой полосой своей жизни. Все получили назначения и завтра некоторые должны были сесть в вагон, чтобы спешить к месту службы, к приемным экзаменам 1 августа. Между нами двое было семинарского образования, из них один теперь профессор русской истории; трое было гимназического образования, из них один умер, двое стали писателями. Все мы были не только связаны товариществом, единством парты, на которой сидели. Нет, мы были друзьями, в тесном и горячем смысле этого слова, и как ни много лет прошло с тех пор, обернувшись назад, я и до сих пор не могу назвать каждого из них иначе, как хорошим, светлым, безупречным другом (Розанов, 2009а: 623).

Тем неназванным одним из двух семинаристов, который в момент написания очерка числился профессором русской истории, был будущий преемник В. О. Ключевского по кафедре и предмет ревности Розанова в любовной истории с Аполлинарией Сусловой Матвей Кузьмич Любавский (см. о нем: Академик М. К. Любавский..., 2005): долю сдерживаемой неприязни к нему, судя по редким и всегда формальным прямым упоминаниям, долго нес в себе Розанов (см.: Сараскина, 1994: 369, письмо В. В. Розанова А. П. Сусловой-Розановой от 1890 г.; Николюкин, 2008b).

И далее, характеризуя свой круг и себя, Розанов писал:

Мы не были чистыми филологами, а историками, и классическая или грамматическая половина нашего факультета являлась нам не иначе, как под комическим углом зрения, а своя, историческая, давала много утешения. Мы пережили счастливейшую пору Московского университета, слушая одновременно Буслаева, Тихонравова, Стороженко, Герье, Ключевского. Весь факультет был по числу студентов крошечный; наша группа слушала науки исторические, философские и историко-литературные. Что касается до лекций классиков, то, как мы увидели, что чтение, положим, Демосфена есть не более, как грамматический комментарий к Демосфену, чтение Тацита есть чтение о мельчайших грамматических отличиях тацитовского языка от классического — цicerоновского, то тотчас простились с целым рядом кафедр, как, в свою очередь, чистые филологи простились и не слушали лекций Герье, Ключевского, Стороженка или Тихонравова. Так, бывало, мы и менялись в аудиториях, как на фабриках «смены» рабочих. Положим, две первые лекции в день исторические. Мы на них сидим, записываем, слушаем. Кончились они, мы собираем тетрадки, надеваем пальто, идем — кто домой,

кто на уроки, кто в библиотеку Румянцевского музея. На тротуаре сталкиваемся с медленно ползущими филологами (отчего они все медленно ходят — не знаю, но факт), с которыми и шапочно почти не знакомы. Эти просидели дома до 12 часов и теперь идут на Шварца, Иванова или Корша, то есть Цицерона, Демосфена и Гомера, каждый в соответственном филологическом футляре (Розанов, 2009а: 624–625)¹⁸.

¹⁸В 1908 г., в связи с циркуляром Министерства народного просвещения о недопущении в университеты семинаристов, закончивших полный курс в семинариях, без предварительного экзамена по математике и физике, Розанов писал: «Обращаясь к существу дела, нельзя не обратить внимания на следующее. Министерство народного просвещения, если бы оно было повнимательнее, знало бы очень хорошо, что в *гимназиях* попковский сын, учащийся худо, — почти неизвестное явление, а между студентами университета никто не отличается такою усидчивостью в занятиях, такою деловитостью и начитанностью, как поступивший в университет из семинарий. Это явление тянется уже много лет, много десятилетий, и удивительно, каким образом то, о чем все знают, остается неизвестным только министерству народного просвещения, хотя это ближе всего его касается. Нужно удивляться тому огромному числу серьезных медиков, серьезных чиновников, серьезных филологов и историков, какое дано России духовным сословием. Стоит вспомнить краску русской истории, русской исторической кафедры в университете — В. О. Ключевского, чтобы сразу постигнуть всю легковесность и необдуманность новейшего министерского циркуляра. Для нас, слушателей Московского университета в 80-х годах прошлого века, семинарская фигура и семинарская речь Ключевского куда больше говорили, куда обаятельнее действовали, чем высокая и сухая, какая-то не сгибающаяся фигура одного профессора-классика с немецкой фамилией, который ухитрился нам читать знаменитую речь Демосфена „О венке“, останавливаясь исключительно только на одних аористах у великого оратора, и это показалось всем до такой степени неинтересным и исторически не нужным, что мы решительно не в силах были его слушать долее пяти лекций и затем, как по уговору, перестали посещать его лекции. Кажется, этот бездарный профессор пошел потом далеко по службе и, может быть, тоже сочиняет какие-нибудь циркуляры... Не могу еще забыть его защиты докторской или магистерской диссертации; взбравшись своей негибавшейся фигурой на эстраду — обычное место диссертантов, — он на все вопросы Ф. Е. Корша и Фортунатова стоял молча и ничего не отвечал. Даже странно было и немного смешно. Бедняге, однако, дали „магистришка“ или „докторишка“, так как этого нельзя назвать больше и лучше при таком конфузе. Мне кажется, помня тогдашнюю свою экзаменационную муку, он сам уже на всю жизнь, как педагог, сделался снисходителен к экзаменуемым. Так бы ожидалось естественно. Но тупость человеческая бывает иногда невероятна, и, кто знает, этот жалкий магистрант не сделался ли потом экзаменационной грозой?» (Розанов, 2004а: 144–145; из цикла «Пестрые темы», опубликовано в «Русском слове» под псевдонимом «В. Варварин»). Имеется в виду А. Н. Шварц — в это время министр народного просвещения. Защита диссертации, которую автор «не мог забыть», вероятно, все-таки была известна ему уже по университетскому преданию, — поскольку в момент защиты магистерской в 1875 г. он не был в Москве, а к защите докторской (1891) сказанное не относится, поскольку она состоялась в Новороссийском университете. Кстати, Ф. Е. Корш был его первым оппонентом на обеих защитах. В том же году в газете «Слово» под псевдонимом «В. Надеждин» в статье «Университет в системе государственного управления» (1908, № 561 от 13 сентября) Розанов писал мягче, но пря-

Впервые Розанов упоминает в печати Ключевского в статье, включенной им в сборник «Литературные очерки» (1899, 1902), — «Литературная личность Н. Н. Страхова»¹⁹. Здесь Розанов пишет:

Кто станет отрицать, что во многих наших западниках, оставшихся таковыми до конца, более жил ясный и спокойный дух нашего народа; и кто не заметит, напротив, некоторой сумрачности в складе чувства и глубокого теоретизма в складе ума у всех наших славянофилов? Истории, самой конкретной из наук, они никогда не изучали ради ее самой и обращались к ней лишь за пособием для оправдания своих теорий: они не любили факта как такового; даже из всех русских историков совпал с ними во взгляде на нее, равно как в своих симпатиях и антипатиях, единственный, который обрабатывает ее, и с таким успехом, теоретически; напротив, самый слабый из наших историков по силе обобщений и наиболее привязанный к конкретному был чистый западник (Розанов, 1996: 225)²⁰.

Текст сопровождался двумя авторскими примечаниями — о первом из историков говорилось: «В. О. Ключевский. См. предисловие его к „Боярской думе Древней Руси“, напечатано предварительно в „Русской мысли“, а также известный разбор типа Онегина» (там же). А ко второму: «Разумею Костомарова» (там же. Изначальная публикация: Розанов, 1890: 52).

На первый взгляд, такая характеристика Ключевского, в свете его позднейшей репутации, которая отразится и в отзывах Розанова, удивляет — но она весьма характерна для времени написания статьи, рубежа

мо называя лица: «Возьмем теперешнее положение. Министр просвещения г. Шварц, — один из профессоров Московского университета, и не только о нем кто-либо, но и он сам о себе не скажет, что в пору своего преподаательства он был самой значительной умственной силой своего факультета. Около него в университетском совете сидели Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, В. О. Ключевский. Он не станет возражать, если скажем ту вещь, которой личными свидетелями были все его слушатели в университете: что он был средний профессор, не выдававшийся ни чтениями, ни научными трудами» (Розанов, 2004а: 261).

¹⁹Первоначально опубликована в 1890 г. в «Вопросах философии и психологии» (кн. 4) под заглавием: «О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов».

²⁰В 1908 г., в связи с разговором о славянофилах (и их консерватизме — и отчасти о немецком, думается, в продолжение старой темы, впервые вполне развернутой в статье о Страхове 1890 г., где сам Ключевский был причислен к славянофилам), Розанов отмечал: «Вас. Ос. Ключевский, на лекциях русской истории в Московском университете, производил русский „кнут“ не от какого-то татарского слова, как делали ранее филологи, а от немецкого „Кпер“» (там же: 127). См. повтор этого же замечания, и вновь со ссылкой на Ключевского, в письме Розанова о. Павлу Флоренскому от 17 января 1916 г. (Розанов, 2010: 367–368).

1880–1890-х гг., и несет на себе след еще университетских воспоминаний автора. А именно: Ключевский (что отразилось и в позднейшем, в опубликованной в 1904 г. 1-й части «Курса...», где он сохранил многие свои устремления конца 1870-х – 1880-х гг. в виде не проработанном, лишь ослабленном сочетанием с позднейшими суждениями²¹) в 1880-е гг. и выступает, и воспринимается в первую очередь как обращенный к социальной истории — противостоящий в этом смысле «юридической школе». И манифестом этого направления выступает его диссертация «Боярская дума», в особенности ее первый, черновой вариант (претерпевший серьезные изменения при подготовке отдельного книжного издания, вышедшего в 1882 г.), опубликованный в журнале «Русская мысль», — прежде всего введение, впоследствии снятое (см. Нечкина, 1974: 197–241).

О восприятии позиции Ключевского, выраженной в «Боярской думе», как близкой к славянофильской, свидетельствует, в частности, и очень подробный отзыв о ней (сделанный, отметим попутно, в первую очередь с опорой именно на журнальную публикацию 1880–1881 гг.) М. О. Кояловича (Коялович, 1997: 552–622). Подводя общий итог рассмотрению, он писал в 1884 г.:

Г. Ключевский в постановке дела русской истории по всем главнейшим вопросам ученик и последователь С. М. Соловьева, но ученик и последователь много работавший сам и потому многое изменивший и в фактической, и в теоретической части труда своего учителя. [...] Но г. Ключевский гораздо крепче и яснее Соловьева связывает правительственную культурность с культурностью верхнего русского общества, и хотя, подобно Соловьеву, отрывает это общество от весьма важных его проявлений [...] но гораздо больше Соловьева связывает правительственный русский класс с русским обществом вообще и даже с русским простым народом. [...]

²¹ См. весьма примечательную рецензию ученика Ключевского, М. П. Покровского, на выход первой части, где он отмечал: «Новая книга представляет собой нечто вроде компиляции, сделанной автором из его собственных произведений, — автокомпиляции, если можно так выразиться. У такой манеры есть своя обратная сторона. Проф. Ключевский читает лекции в Московском университете, если не ошибаемся, уже 25 лет. Много за это время переменялось — менялась публика, менялся, покорный общему закону, и сам лектор. Всякая мысль, какую мы встречаем в „Курсе“, глубоко и всесторонне обдумана автором. Но отдельные мысли обдумывались в разное время в разной обстановке и под разным влиянием. Проф. Ключевский в 1904 г. не тот, каким он был в 1894 и 1884 гг., а в книге, помеченной 1904 г., все, продуманное автором за много лет, стоит рядом, на одной плоскости» (Покровский, 1933: 48–49).

Когда мы вдумываемся в эту часть изысканий г. Ключевского, то невольно приходится забывать, что это писал один из самых последовательных учеников С. М. Соловьева, а представляется, что это писал один из давних и постоянных сотрудников в изданиях общепризнанного ныне главы русских славянофилов И. С. Аксакова (Коялович, 1997: 620, 621–622)²².

²²Об отношении самого Ключевского к славянофильству скажем лишь несколько слов, опираясь на повторение им одного герценовского образа. В итоговой статье о Екатерине II, вышедшей в «Русской мысли» к столетней годовщине ее смерти, Ключевский вспоминает в самом начале «одного позднейшего писателя», то есть А. И. Герцена, цитируя его слова о Щербатове и Радищеве, «печальных часовых у двух разных дверей» (Ключевский, 1918: 306). Это фраза из герценовского предисловия к конвольту «О повреждении нравов...» и «Путешествия...», вышедшего в лондонской типографии в 1858 г. (впервые цитату атрибутировала Р. А. Киреева (см. Киреева, 1966: 25, 137–138)). Приведем цитату в более полном виде: «Князь Щербатов и А. Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца сего времени, смотрит в ту дверь, в которую взшел Петр I, и за нею видит чинную, чванную Русь Московскую, скучный и полудиккий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом. А. Радищев смотрит вперед, на него пахнуло сильным веянием последних лет XVIII века... Радищев гораздо ближе к нам, чем князь Щербатов; разумеется, его идеалы были так же высоко на небе, как идеалы Щербатова — глубоко в могиле; но это наши мечты, мечты декабристов» (О повреждении нравов в России..., 1983: v–vi). Здесь возникает тот образ Януса, что почти три года спустя вернется в некрологе Константину Аксакову — и который затем Герцен включит в завершение XXX главы «Былого и дум», как финальное, самое точное из сказанного им по поводу «не наших», славянофилов — и о себе: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна* любовь, но не *одинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество, — чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*» (Герцен, 1982: 137). И Ключевский явно держит — если не в уме, то в подпамяти — оба случая использования Герценом образа Януса, когда в первом варианте своего «Курса русской истории», лекциях, читанных в 1872–1875 гг. на Высших женских курсах в Москве, говоря о разных, противоположных взглядах на петровскую реформу, продиктует: «Из мнений, господствовавших в начале XVIII в., развилось западничество; из воззрений Дашковой и Щербатова (тех самых, известных ему по герценовским изданиям. — А. Т.) — славянофильство. В настоящую минуту эти взгляды слились и теперь бывает трудно отличить западника от славянофила. Вот почему теперь в наших взглядах на Петровскую реформу господствует удивительный хаос...» (Ключевский, 1997: 556). Общая же мысль, вновь и вновь на разные лады повторяемая Ключевским, заключалась в преодолении споров западников и славянофилов, которые отошли в прошлое, — так, например, в наброске «Русская историография 1861–[18]93» (относящемся к первым годам нового века) Ключевский пишет: «Былые богатырские битвы западников со славянофилами затихли и вместе со своими богатырями отошли в область героической эпопеи русской историографии. Постепенно растворяясь новыми влияниями и взаимными уступками, оба направления сближались и привыкали друг

«Боярскую думу» упомянет вновь Розанов в уже цитированном выше очерке 1901 г. — в воспоминаниях о прощании с университетом, о надеждах разъезжающихся по провинции учителей — тех, кто едва успел сшить форменный фрак или еще только собирается это сделать:

О, мы будем отлично служить, да и как не служить нашей милой России, родине Мономахов, и Грозного, и «Боярской думы» (главное сочинение нашего профессора Ключевского), и земских соборов, о которых бессвязную монографию написал Самоковасов, а наш Максим Ковалевский разбил ее в «Критическом обозрении» (журнал, издававшийся кружком московских профессоров) (Розанов, 2009а: 625)²³.

Первую статью, специально посвященную Ключевскому, Розанов напишет в 1892 г. — точнее, она будет посвящена пересказу и размышлениям по поводу нашумевшей публичной лекции Ключевского «Добрые люди Древней Руси», отдельное книжное издание которой было выпущено «в пользу пострадавших от неурожая» (Ключевский, 1892)²⁴.

к другу, теряли сектантскую исключительность и, ассимилируясь, жизненной частью своего состава входили в общее сознание, даже становились общим местом, а что было в них специфического, неуступчивого и нерастворимого, то пыталось кристаллизироваться в новые сочетания воззрений и гипотез под названиями государственников и народников, или как еще они в свое время назывались» (Ключевский, 1983: 186; ср., например: Ключевский, 1918: 47–53).

²³Отметим попутно, что к моменту выхода очерка (1901), действительно, «Боярская дума» — самое крупное и самое значимое из напечатанных сочинений Ключевского, по существу — очерк его понимания русской истории в целом; не случайно язвительный рецензент начальной публикации труда в «Русской мысли», видный историк русского права Владимирский-Буданов отмечал, что истинным заглавием первой части (единственной, опубликованной к тому времени) этого сочинения должно было бы быть: «История России с древнейших времен» (Нечкина, 1974: 204). Еще в 1903 г. Суворин напишет Розанову по поводу понимания русской истории: «Читали ли „Боярскую думу“ Ключевского? Там доказано документально, что Петр принял Россию, уже начавшую реформироваться в европейском духе» (Розанов, 2006: 313, письмо от 30 декабря 1903 г.). Вероятно (отметим попутно), что Суворин незадолго до написания письма читал «Боярскую думу» в связи с выходом третьего, вновь существенно измененного и дополненного издания, последнего прижизненного (Ключевский, 1902) — следующее выйдет уже в 1918 г., на волне переизданий и новых изданий Ключевского на основании декрета ВЦИК от 29 декабря 1917 г. «О государственном издательстве». Об истории написания и издания «Боярской думы» см.: Нечкина, 1974: 197–241.

²⁴Статья Розанова «Черта характера Древней Руси» была опубликована в «Русском вестнике» в 1892 г. в № 7 (см. Розанов, 2008b: 55–66). К истории опубликования см. пару замечаний в переписке Розанова с Н. Н. Страховым, письма Розанова к последнему от мая-июня и первых осенних месяцев 1892 г. (Розанов, 2001b: 286, 287). В 1898 г., когда П. П. Перцов стал инициатором серии книжных изданий Розанова, то предложил включить ее в качестве дополнения в сборник «История и литература» (см. Перепис-

Основную часть статьи составляют пересказ и выписки из рассказа Ключевского об Ульяне Устиновне Осоргиной (Розанов, 2008b: 59–62), составляющего в самом тексте публичной лекции Ключевского лишь начальный эпизод (Ключевский, 1892: 5–9). В статье «Возле „Русской идеи“» (напечатанной впервые в «Русском слове», 1911, № 165 от 19 июля; с восстановлением исключенного редакцией начала напечатанного Розановым в вышедшей в 1914 г. книге «Среди художников») он вновь вспоминает Ульяну Осоргину (запавшую ему в душу из «Добрых людей...», вероятно, перечитанных после кончины Ключевского):

Весь русский социализм, *в идеальной и чистой* своей основе, основе первоначальной, — женственен; и есть только расширение «русской жалости», «сострадания к несчастным, бедным, неимущим», к «не мощным победить зло жизни». [...] Но все это — мотивы еще Ульяны Осоргиной, о которой читал Ключевский в своей лекции «Добрые люди древней Руси» (Розанов, 1994b: 356).

Ключевского и при жизни, и после смерти Розанов будет вновь и вновь перечислять как одно из «славных имен» Московского университета и вообще России университетской и научной в целом; зачастую упоминает его с целью противопоставить былое (пусть и совсем недавнее) современности. Так, например, в статье 1915 г.: «Московский университет вообще гаснет. И поздний историк его вздохнет: „Где ныне Грановские, Кудрявцевы, Ешевские, Герье, — где Соловьевы, Буслаевы, Тихонравовы, Ключевские, — где у нас лингвисты, подобные Коршу и Фортунатову?“» (Розанов, 2007: 429; ср. цитированный выше фрагмент из заметки 1916 г., вполне типичный: Розанов, 2008a: 218). Или еще из другой статьи того

ка В. В. Розанова и П. П. Перцова..., 2023: 279, письмо Перцова от 27 ноября 1898 г.; впоследствии этот сборник выйдет под заглавием «Литературные очерки», современное академическое переиздание см.: Розанов, 2015b). Однако в итоге статья будет включена в иной сборник, «Религия и культура» (первое издание — 1899, первоначальное рабочее заглавие — «Религия и мораль»; см. Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова..., 2023: 278). С. А. Рачинский отзывался в письме к Розанову от 24 августа 1892 г. по поводу нее: «Я прочел в июньской книжке „Русск[ого] вестника“ вашу статью. Очень хорошо и оригинально, но немного слишком кратко — недостаток столь редкий, что может быть сочтен за достоинство. Впрочем, мысль, выраженная в последней главе, для полного своего развития потребовала бы целой книги...» (Розанов, 2010: 420). В примечании к этому фрагменту письма Розанов (опубликовавший их после смерти Рачинского в том же «Русском вестнике» в 1902–1903 гг.) пояснял: «„Характерная черта Древней Руси“, по поводу чтения В. О. Ключевского: „Добрые люди в Древней Руси“. То был первый годный год, и блестящее чтение талантливейшего из московских профессоров знакомило общество с добрыми благотворителями древней Москвы» (там же).

же года²⁵: «тогда-то у нас появится на кафедре Грановский вместо Бодуэн-де-Куртенэ, вырастет В. О. Ключевский вместо „профессоров русской истории, имена же их Ты, Господи, веши“» (Розанов, 2007: 445); аналогично, в заметке о выходе «Собрания сочинений Апполлона Григорьева» под редакцией В. Ф. Саводника²⁶: «ученые типа и достоинства Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевского» (там же: 455).

В другой заметке того же года Ключевский именуется среди тех ученых прошлого, которые отличались особым отношением к своему делу: «...русской почвой, которую возделывали такие люди, как Д. И. Менделеев, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, — возделывали, *любили* и надеялись» (там же: 503). И в следующем году, в некрологе М. М. Ковалевскому, о «профессорах Буслаеве, Тихонравове, Соловьеве-старце, Ключевском»:

В последних всегда светило небо. Мысль их ясно была заоблачна, хотя говорили они о земле, о земных вещах и отношениях, — говорили тоже о царствах, о сословиях, о людях. Но мысль их господствовала над предметом, о котором говорили они, — и это «господство» давали им тихие часы ученых размышлений (Розанов, 2008а: 249)²⁷.

Нередко Ключевский выступает у Розанова как имя-символ, одно из обозначений истории/историка. Так, в «Мимолетном. 1914 год»:

Указав на историю, от Геродота до Ключевского, мужчина может сказать: «Вот *я*» или «вот *где я*».

²⁵Упрощение программ (Новое время. — 1915. — 25 марта. — № 14021).

²⁶Дорогая книжная новинка (Новое время. — 1915. — 23 апреля. — № 14050).

²⁷Ср. с таким развернутым отзывом 1916 г.: «Хорошее было время в смысле профессоров! Говоря нынешним языком старых историй, «тогда (sic! так в издании, есть открывающая кавычка, но отсутствует закрывающая. — А. Т.) процветали в университете: С. М. Соловьев и сменивший его вскоре В. О. Ключевский, Вл. Ив. Герье, Ф. И. Буслаев, И. С. Тихонравов, Н. И. Сторженко, Ф. Е. Корш; и *dii minores* — П. Г. Виноградов, Г. А. Иванов (цицеронианец-классик). На математическом процветали Бредихин; на естественном — зоологи Богданов и Усов; на медицинском — Захарьин; на юридическом — Н. И. Зверев, М. М. Ковалевский, Боголепов и Муромцев. И, украшая университет, украшали Россию. Слушатели не представлялись яркими, но между ними потом выдались государственною деятельностью и многими учеными трудами и ныне благополучно ректорствующий в университете М. К. Любавский, товарищ обер-прокурора Н. Ч. Зайончковский, — вблизи нашего курса, вперед ли, назад, были: историк русской литературы Н. А. Котляревский, А. И. Гучков, кн. П. Долгоруков и, кажется, около этого времени были два выдающиеся историка и теоретика философии, братья С. Н. Трубецкой и Е. Н. Трубецкой» (Розанов, 2008а: 218).

Чего женщине никак не удастся сказать. История ей не принадлежит (Розанов, 2005а: 424; см. Розанов, 2011: 242, запись от 2 июля 1915 г.).

Вновь и вновь будет Розанов вспоминать о Ключевском и приводить его персону как аргумент против мер, так или иначе направленных на ограничение поступления в университет представителей тех или иных сословий (прежде всего, разумеется, поповичей). Так, например, в заметке 1901 г. «Семинаристы-студенты», в связи с дозволением семинаристам поступать в три университета — Томский, Юрьевский (Дерптский, ныне Тартуский) и Варшавский, — Розанов пишет: «Целый ряд светил нашей профессуры вышел из семинаристов. Ограничимся для краткости одним именем: спокойным Вышнеградским, директором Технологического института и потом министром финансов; напомним также известного историка Ключевского» (Розанов, 2009а: 74; см. также выше, сноску 18).

Ключевского вспоминает Розанов и в «Сумерках просвещения» (1899) в связи с критикой современной ему «толстовской» гимназии, хорошо известной ему по многолетнему учительскому опыту (в данном случае — атакуя систему «среднего балла»):

Та бурса, которой изображение оставил нам Помяловский, но которая дала России Платона, Филарета, Иннокентия, Гилярова-Платонова, Ключевского, — она даже понимала задачу школы утонченнее, глубже. «По всем предметам он числится в последнем разряде, но у профессора (так звали и еще зовут себя учителя семинарии) философии», или догматического богословия, или словесности «он был занесен первым в список», — читаем мы часто, если не всегда, в биографиях многих замечательнейших наших людей. И бурса берегла талант; она не выбрасывала «занесенного первым» хотя бы по одному предмету; она догадывалась, что тут есть, тут что-нибудь есть, о чем стоит порадеть, подумать, позаботиться (Розанов, 2009b: 763).

В материалах к третьему тому «Семейного вопроса в России», в статье «Психика и быт студенчества» (1904) Ключевский возникнет довольно неожиданно, в разговоре о студенчестве:

И у кого науки, в формации мечты, не зародилось на студенческой (даже гимназической) скамье — тот никогда не захочет и, главное, *не сумеет* ей предаться со временем. [...] Конечно, до 24–28 лет человек только и может, что бессильно хвататься за книги: ни метода, ни знания литературы предмета у него еще нет; нет остро поставленных, кристаллически определившихся вопросов знания и мышления. Все время студенчества наука стелется перед глазами туманом. Но сказать, чтобы не было любопытства и уважения к самому этому туману, — этого сказать о студенчестве невозможно; чтобы они

мало-помалу не вбирались в него — опять этого нельзя сказать. Свидетельство этого в *status quo* нашей науки, — которая не есть *quantite negligeable*²⁸. Совершенно возможно, а о некоторых случаях и достоверно известно, что такие золотые головы, как Буслаев, Тихонравов, Менделеев, Н. Я. Данилевский, В. О. Ключевский, Вл. Соловьев, не вели себя на студенческой скамье безукоризненными «паиньками», а смешались в серой и бурной студенческой семье, не выделяясь из нее «благодарием и успехами» (Розанов, 2004b: 711–712).

Здесь, вероятно, сказались отголоски студенческой памяти о юности Ключевского — действительно, в университете (не говоря уже о семинарии) не представлявшего собой образец «идеального студента», по крайней мере такого, каким его желала бы видеть администрация (впрочем, далекого и от крайностей иного ряда; см.: Ключевский, 1924, а также замечания Нечкиной — Нечкина, 1974: гл. 2–3).

И вновь — упоминание Ключевского как символ истории и одновременно университета, в одной из последних публикаций Розанова в «Новом времени», уже после революции («На улице», 23 марта 1917 г.):

«Все сегодня хорошо, в этот прекрасный воскресный день».

А если «сегодня» хорошо, то не хорошо ли и вообще? Я задумался об истории. История всегда была моею консервативною задержкою. «Позволь, ты должен трудиться для истории», «Ты живешь в истории и должен работать только для нее». Это я твердил себе с университета, с времен Ключевского и Герье. «А у Ключевского что сказано?», «А Герье что говорит?» И вот в этот прекрасный весенний день у меня мелькнуло:

— Что такое за давление истории? Не всякий ли день равен всякому дню? История есть счет дней: и если так, то отчего всякий решительный день, вот сегодняшней мой и наш день, должен уступить какому бы то ни было другому дню?

Тут сейчас, — так как я богослов, — мелькнуло и Христово слово: «Довлеет *дневи* злоба его». [...]

Правда, мелькнула и задержка: «Нет, день Рождества Христова, — тот, что был 1917 лет тому назад, — был не похож на прочие дни». Но теперь меня не задерживали и «задержки»: общий поток «ниспровергающих историю» мыслей был слишком силен, он был слишком вымучен всю жизнь, донельзя перегруженную историческими воспоминаниями и ответственностями.

— Ну их, ответственности. Замучился с ними (Розанов, 2008a: 504, 505).

Основной массив развернутых высказываний-характеристик Розанова, посвященных Ключевскому, предсказуемым образом приходится на

²⁸Пренебрежимая величина (*фр.*).

1911 г., что вызвано кончиной историка, и на ближайшие последующие годы. Однако примечательно, что первый черновой вариант — пока еще во многом сдержанный (как обычно получается, когда приходится говорить о близком и важном в ситуации, когда он может это услышать). Смерть раскрепощает — в том, по крайней мере, смысле, что слова слишком большие и серьезные, которые странно, хоть и в меру, сказать о живом, оказывается возможно сказать об уже умершем.

Поводом сказать продуманное стал 30-летний юбилей «ученой службы» Ключевского, то есть тридцатилетие пребывания его на кафедре русской истории Московского университета. Читателя статья, озаглавленная «Около науки и университета» и опубликованная в «Русском слове» (№ 285 от 12 декабря 1909 г.) под псевдонимом «В. Варварин», может первоначально удивить — поскольку на первых страницах, если исключить подзаголовок («По поводу 30-летия ученой службы В. О. Ключевского») нет ни слова о самом герое статьи. Разговор идет о некой курсистке, о «раевских» курсах²⁹, о типичной комнатке учащейся девушки, о портретах на стенах: Тургенева, Толстого, Веры Фигнер — первые два смотрят на входящего, а второй повернут к хозяйке комнаты, «вынутый из ящика портрет» (Розанов, 2004с: 402). Все это нужно, чтобы обозначить перемену, свершившуюся год спустя:

И опять весна... Год занятий подходит к концу. И как-то, войдя в комнату, я вижу перед учебным столом девушки уже не портрет, великолепно сделанный, В. Н. Фигнер, — а довольно плохой портрет, больших размеров, вырезанный из газетного «приложения», но вставленный в раму, — Василия Осиповича Ключевского (там же: 404).

В репликах курсистки: «Ключевский прямо не говорит, но заметно, между строк, — как он любит прошлую Россию. Конечно, — и теперешнюю... Вся Россия, вообще» (там же: 405). И уже вступающий авторский голос, Розанова:

...эти-то тропинки, дорожки, путики и привели колеблющуюся девушку к совершенно новым выводам из колебаний, из сомнений. Ее взяла за руку и повела за собою любовь *старика к родной земле*. Она вдруг одолела веяния из Шлиссельбурга. Одолела не споря, одолела не возражая, одолела не отрицая, не порицая.

Я уверен, самому В. О. Ключевскому этот маленький рассказ дал бы наибольшее удовлетворение. [...] В сущности, В. О. Ключевский был всегда

²⁹Петербургские Высшие женские историко-литературные и юридические курсы, организованные Н. П. Раевым в 1905 г.

одиночкой-профессором; корпоративные, служебные шумы, боренья, отпоры, натиски были ему чужды, — не враждебным, а спокойным отчуждением. Он был к ним пассивен; и интерес загорался в нем только к лицу человеческого, единичному лицу, — в разговоре на любимые темы. А темой его было все поле русской истории, — великое поле, уснувшее вечным покоем. Но он любил и травку, выросшую на этом поле, — простых людей без претензий, обыкновенных русских людей, ничем не отличенных, от студента духовной академии или университета до простых обывателей, с какими сталкивает нас жизнь (Розанов, 2004с: 405).

Некролог Ключевскому Розанов начинает с личного, оговариваясь, что о значении покойного как историка, для истории — он скажет ниже: «в первую же минуту охватывает душу самое горячее чувство именно как бы личного несчастья, которое переживут в эти дни, без сомнения, все личные ученики и слушатели покойного профессора» (Розанов, 1996: 567).

В первом отклике на смерть Ключевского³⁰ он напишет:

Ключевский был ярко выраженная *личность*: это — первое, что о нем следует запомнить. Нельзя забыть его жестов, его фигуры, его голоса, его манер выйти, войти, говорить с собеседником. Например, я ни разу не видал, чтобы он стоял «прямо, как палка», — обычное положение нормального человека; чтобы, слушая, он был «невозмутим, как сонный пруд вечером», — тоже обычная поза слушающего человека; или чтобы *говоря*, — он «выпячивал грудь», — тоже довольно обычно. В сравнениях я немножко преувеличиваю, чтобы оттенить свою мысль. В. О. Ключевский *незабываем*, между прочим, потому, что в самых частых положениях человека, в обычных положениях ученого — слушание, своя речь, момент собственного размышления или наблюдения толпы — он нисколько не походил ни на какого обыкновенного человека.

Он весь был гибок, подвижен, необыкновенно жив. Живость, величайшая живость — вот качество, которое первым в нем бросалось в глаза. «Этот человек не умеет спать», — хотелось сказать о нем. Или — «он спит, вероятно, беспокойно» и постоянно «видит сны» (Розанов, 2005b: 102).

Ключевский в интерпретации Розанова предельно сближается с ним самим — в первую очередь с тем, чего он сам хотел бы достичь, к чему устремлен: к благословию быта, освящению повседневности. Розанов прямо наделяет своего университетского наставника характеристиками, которыми описывал самого себя — как в самом обнаженном, предельно искреннем очерке «Мечта в шелку» (1905) говорил о себе, как «закрывал

³⁰Памятка о Ключевском (Новое время. — 1911. — 20 мая. — № 12638).

глаза... и бурно, моментально, фантастично, — не то, что уносился, а прямо как будто падаю в погреб, — уносился в мир грез, не только не имевший ничего общего с Нижним Новгородом и гимназией, но и с Россией, Карамзиным и Соловьевым (воплощение истории), ни с чем, ни с чем...

Так, царства дивного всесильный властелин...

Сумел же Лермонтов выразить настроение... Но это было до утра» (Розанов, 1990: 655).

Розанов вновь и вновь обращается к внешнему — как выразителю того, что произносимые слова скорее скрадывают внешнее, объясняющее суть говоримого, через что оно может быть понято, — как сути Ключевского прежде всего в интонации, позе, жесте:

Как писали после его кончины, — больше всего к нему привязались, почему-то, питомцы московского Училища *живописи и ваяния*. Не университета и не духовной академии (где его тоже очень любили), но вот эти *будущие художники*. Уверен, что в этой очевидной странности сыграл свою роль *глазок* начинающих «ваятелей» и «живописцев»... Они заприметили, как не могли в университете и в академии, — беспримерно «изваянную Господом Богом фигурку», — «фигурность» которой переливалась и в дух, в слово, в ум, в лекции... И отдались ей с восторгом (Розанов, 2005b: 102, 103).

К. И. Чуковский через пару лет, в ситуации масштабного скандала вокруг Розанова, припомнит некролог Ключевскому, спрашивая: «Помните ли Вы свою статью о проф. Ключевском, где Вы описали, как читал Ключевский, каким голосом и какая у него осанка, и какая прическа, а о чем читал, не сказали, забыли, — и все же превосходно очертили самую душу его души» (Чуковский, 1995: 131). Для Розанова это еще, думается, и путь к Ключевскому — как он его понимает, где суть дела не в «концепции», а в направленности взгляда. К годовщине смерти Ключевского он эксплицитно выразит это понимание³¹:

Вся огромность зрелого ученого, в сущности, уже содержится в любопытствующем, ожидающем, удивляющемся, наблюдающем глазе и уме подростка и мальчика. А благородное сердце никогда не откажется от детской тоски и от детского умиления, от детского «всего». Никто так близко не стоит к крестьянству, как сельское духовенство: одна природа, один труд, один быт — только у «попа» все это поразвитнее. И оба они не очень дружелюбно смотрят на знатность, богатство и всяческую далекую славу и значительность. Вот

³¹Новое время. — 1912. — 16 мая. — № 12993.

это все, *именно это*, до суеверия и недостатка, до некоторой узости и предвзятости, было у Ключевского. Он не был историком-государственником, как Соловьев и особенно Карамзин, не был историком-*хохло*, как Костомаров, а великорусским историком-*бытовиком*. Это-то и согрело так его «Курсы», его чтения; это-то и потянуло бесчисленные сердца к его кафедре. Он обаяниями своими всех «изучающих русскую историю» заставил «полюбить русскую историю»: дело совсем новое и необычайной цены! Конечно, *быт* есть самое главное; *быт* — сейчас «за душою», обволакивает душу уже непосредственно, осязательно; из *быта* развиваются, строятся *учреждения*; из него *направляются* события, происходит «все». И историк-бытовик, *безотчетный* бытовик, без теорий и без доктрин о «быте», не мог не делаться «само собою» стержневым историком, не стать «в корень». Так все и случилось с Ключевским: теперь «русская история» и «Ключевский» слились, и *понятие* первой неотделимо от *образа* второго (Розанов, 2006: 101–102).

Розанов утверждает, что Ключевскому удалось то, что выступало для него программой — и что он, видимо, воспринял прямо из университетских лекций, когда это на рубеже 1870–1880-х гг. формулировалось как цель — единство русской истории. В оставшихся не опубликованными при жизни, поздних уже заметках о русской историографии Ключевский писал:

Руководящим мотивом [...] должно быть убеждение, что мы вовсе не на другом берегу, лишенном всякой материковой связи с покинутым, что мы идем своей старой исторической дорогой, несем с собой средства, выработанные вековым народным трудом, недостатки, воспитанные в нас былыми народными несчастьями, задачи, поставленные нам условиями нашего прошлого (Ключевский, 1983: 185).

И Розанов в 1912 г. пишет о водоразделе «московского» и «петербургского» периодов, об отношении к нему Ключевского:

Он любит Москву, а Петербург он только уважает; отношение совсем другое. Но и самое уважение он простирает лишь на то, что не оскорбляет старую Москву и не превозносится над нею. Малый знак этого, малейшая тень гордости, чванства над «дедовским» и простецким — и Ключевский становится желчен и саркастичен к дворам, господским гостиним, ученым кабинетам. Таким образом, нравственное чувство, сердечное влечение есть господствующая струя его «Курсов»; и оно-то придало им музыку. В Ключевском говорит «я», «мы» — «все мы, русские»: но когда у нас нет сил защитить себя, выразить себя и мы из споров уходим раздраженные и обессиленные, — он, вооруженный всеми средствами науки и собственно богатым талантом говора или письма, защищает нас всех, и защищает так умело, уклончиво, «по-духовному»,

не давая ни к чему в себе придаться, не давая никому права упрекнуть его «темнотой», «пристрастием» и «суеверием», что противникам и густой стене их остается только попятиться... И мы говорим ему, говорим всей Русью:

— Спасибо, батко, поповский сын! Твой отец скрестил нас, а сын отстаивает царство крестьянское-христианское.

Вот почему он всем так близок и памятен; почему от «Курса» его идет такое веяние интимности (Розанов, 2006: 103).

В том же году в большой статье «Историко-литературный род Киреевских», растянувшейся на целых три газетных номера³², Розанов пишет по поводу собрания песен П. В. Киреевского:

Плод его работы, его совершенно нового *метода* искать и находить, лучше всего можно осзать, сравнив, например, величественную, «в стиле Растрелли» — «Историю государства Российского» Карамзина с простым, житейским «Курсом русской истории» Ключевского. Две разные истории, и как будто — разных существ. В *одном* — стены и башни, высоты и высоты, везде «Иоанны» и нигде «Ивана». А ведь звали-то *современники* просто «Иван Васильевич», и так называет Грозного народная песня. У Ключевского — то болотце, то лесочек, там записанный «говорок народный», выдумка, легенда, — все приведено: и мы с удовольствием говорим: «*Это — наша история*». Но начал это все Петр Васильевич Киреевский. Он пробудил во всех других преемниках и продолжателях своих русское обоняние всех вещей, русское осязание всех вещей, русский вкус ко всему (там же: 218–219)³³.

Последняя большая статья Розанова о Ключевском выйдет в 1916 г. — приуроченная к 75-летию историка и пятой годовщине со дня его смерти³⁴. Однако фактически это будет текст, написанный им еще в 1913 г.,

³²Новое время. — 1912. — 27 сентября. — № 13127; 9 октября. — № 13139; 18 октября. — № 13148.

³³Ср. в статье «Тревожная ночь» (1901, включена в качестве послесловия в книгу «Темный Лик»; см.: Розанов, 1994с: 428): «Читатель знает так называемые „навязчивые идеи“ — идеи и впечатления иногда совершенно ничтожные, даже глупые, но которые неизъяснимо почему навсегда завязают в мозгу (нельзя же сказать „в душе“). Например, почти двадцать лет назад один молоденький учитель с претензиями на упрощенность, при словах моих за чаем: „...Иоанн III, Иван III“ — сказал, мотнув носом книзу: „Да, Иван. Так нас учил В. О. Ключевский“, и нос его так сморщился, что я навсегда запомнил, — и теперь, где бы ни услышал и ни прочел „Иоанн III, IV“ и т. д., мысленно поправляю: „Да, Иван“ — и вспоминаю характерный кивок головой этого учителя, и всю его фигуру, и весь его характер. Вечная идея» (Розанов, 1994а: 71).

³⁴Статья эта вышла также под псевдонимом «Ветлугин», в «Колоколе» — впрочем, для любого знающего Розанова читателя псевдоним в данном случае был совершенно прозрачен, так как юбилейно-мемориальная статья была написана как ворох «листвы», соединенный, в отличие от нее, эксплицитной, поставленной в заглавие темой.

вошедший в «Сахарну», которая была сверстана в 1914 г., но так и осталась не напечатанной (см.: Розанов, 2001а: 260–262; Розанова, 1995: 68). Эти записи, род «листов», относятся к июню 1913 г., начинаясь с полуслова, с отточия:

...Читал весь вечер Ключевского — о Лермонтове, Нартове, Петре Великом, «Недоросль» Фонвизина и проч. И опять удивлен, и опять восхищен (Розанов, 2008а: 49).

Перечисление дает возможность точно установить, что именно читал Розанов — он имеет в виду только что вышедший тогда, в 1913 г., том Ключевского «Очерки и речи. Второй сборник статей». Розанов пишет на кажущемся парадоксе: утверждение «благородства» Ключевского, более того, «Ключевский — весь благороден», — и сразу же после этого студенческое воспоминание, зарисовка облика Ключевского, далекого на первый взгляд от того, что ассоциируется с понятием «благородство»:

Фигуру его на кафедре я помню... Как сейчас... Она вся была прекрасная. Голос прекрасный и смешной (бабий). Вертится (двигается) на кафедре... Ни о чем не думает, о слушателях не думает... Творит. И он творил как соловей. Как соловей «с мудростью человека о нем», то есть как вещая птица (там же: 50; ср. с прижизненным описанием: Розанов, 2004с: 407).

И здесь он договаривает то, что намечал в статьях 1909, 1911 и 1912 гг.:

Мне кажется, если сказать, что Ключевский был «русский историк», то этого недостаточно. Место его выше. Мне сейчас хотелось сказать, что его место «в литературе»: но, в сущности, и этого он выше. Его место среди «замечательных русских людей», или — вооружимся классицизмом — «среди достопамятных людей земли русской»... Это одна из фигур длинного ряда, начатого Ярославом Мудрым, Иоаннами и Василиями, Артамоном Матвеевым, Ордын-Нащекиным, Нартовым, Екатериною, Фонвизиным и Новиковым, Пушкиным, С. М. Соловьевым и — им, Ключевским.

Это — создатели Русской Земли. Ключевский именно не «написал русскую историю», но создавал самую землю русскую, — орудием чего избрал курс лекций (Розанов, 2008а: 50).

И далее: «Но договорю: самое слово его (стиль, слог) прекрасны, то есть везде в уровень с предметом. Он не „отстает от тем“, хотя темами этими были Лермонтов, Пушкин, Петр. Говорит он везде, как „господин дела“. Нет, „господин“ к нему не идет: говорит как друг и отец, как „верноподданный“ великих Государей своих и как сописатель писателей

(о Лермонтове, о Пушкине, о Фонвизине). Он еще не побегал тою „воюющею собакою“ около трона...» (Розанов, 2008а: 51)³⁵.

А завершает — и сохранит это и в статье 1916 г. — ошибкой в имени тоже покойной жены Ключевского, как отблеск той самой интимности, о которой он говорил, которую видел в Ключевском:

Даже удивительно, каким образом в такое пошлое время, как наше, мог появиться такой историк. Это его сохранила Троице-Сергиева лавра (долго был там профессором, до приглашения в университет) да (прости добрая память, если ошибаюсь в имени) Евпраксия Ивановна³⁶. Говорят, он очень любил свою старушку (там же: 50).

Последний же раз вспомнит Розанов о Ключевском в «Апокалипсисе нашего времени», в записях, не вошедших в десять номеров, которые успел выпустить до конца жизни (и которые вошли только уже в издание 2000 г.), — говоря о Московском университете 1880-х гг., куда поступал его ученик по елецкой гимназии Сергей Булгаков (соединяя в памяти его время и свое, создавая общий образ университета тех лет — или, точнее, того университета, куда поступал и где учился Булгаков, как он, в Ельце, представлял себе его):

В то же время на историко-филологическом факультете того же самого университета «процветали», как говорили в старые времена, С. М. Соловьев, уже старец древний, седой, — читавший всегда с зажмуренными глазами; преемник его на кафедре русской истории Василий Осипович Ключевский; профессора по всеобщей истории Влад. Ив. Герье и Пав. Гавр. Виноградов. Проф. Н. И. Стороженко и Алексей Веселовский. Дочитывал «век свой» белый как лунь старец Федор Иванович Буслаев и Николай Саввич Тихонравов, — впоследствии ректор университета. Оба факультета, и юридический, и филологический, — «цвели»... И они — действительно цвели, светились. Как одновременно цвели в С.-Петербурге факультеты физико-математический с Менделеевым и Зининым во главе.

Прекрасная пора. И счастливое время. Что могло быть счастливее города с цветущим университетом (Розанов, 2000: 254).

Итак, проделав большой путь, обозрев практически все развернутые высказывания Розанова о Ключевском, скажем несколько слов в заключение. При том что Ключевский явно не занимает первостепенного места

³⁵Ср. «Мимолетное. 1914 год»: запись, датированная 23 августа 1914 г. (Розанов, 2005а: 512).

³⁶Ошибка в имени (на самом деле — Анисья Михайловна, ум. 1909).

среди предметов внимания Розанова, примечательно, что если первое прямое печатное упоминание им Ключевского относится к 1890 г., то есть самому началу публицистической карьеры Розанова, то последнее принадлежит к числу фрагментов, предназначенных для «Апокалипсиса нашего времени», то есть записям последнего года с небольшим жизни В. В. Розанова. В известном смысле, с Ключевским он прошел практически весь свой писательский путь — тот был для него «частью пейзажа», тем, кто нечасто упоминается не по своей незначительности, а в силу «само собой разумеющегося», и где множество упоминаний — именно упоминания, буквально «называния», как жест-называние, указание в сторону предмета, который нет нужды описывать.

О силе и точности схватывания общественного образа и значения Ключевского Розановым, выразившегося в его статьях 1911, 1912 и 1916 гг. (связанных с кончиной, первой годовщиной смерти, а также пятилетием со дня смерти и 75-летием со дня рождения университетского наставника), говорит тот выразительный знак, что Г. П. Федотов, начиная в 1932 г. в «Современных записках» знаменитую статью «Россия Ключевского», по существу повторяет основные оценки Розанова — и трудно предполагать, что он делает это по памяти или даже вообще будучи знаком с этими статьями, давно затерявшимися на страницах газет дореволюционной поры.

Федотов, определяя место и значение Ключевского, утверждает — говоря разом и о «Боярской думе», и о «Курсе...»:

Это не одна из многих, а единственная Русская История, на которой воспитаны два поколения русских людей. Специалисты могли делать свои возражения. Для всех нас Россия в ее истории дана такой, какой она привиделась Ключевскому (Федотов, 1991: Т. 1, 329)³⁷.

³⁷Напомним попутно, что весь этот приступ, первые главки статьи, с обрисовкой той картины русской истории, что дает Ключевский, нужен Федотову, чтобы перейти ко второй, основной части статьи — не просто критике Ключевского, а демонстрации, что его «школа» продолжается и в советской историографии («Но поскольку в революционной России разрабатывается русская история как наука — даже в марксистском освещении, — в ней доживает себя, изуродованная и стиснутая в колодки, школа Ключевского» (Федотов, 1991: Т. 1, 347)), что в ней одновременно предана полужабвению история духовной культуры — и мало места правовому, государственному (там же: Т. 1, 336). Примечательно, что и в этом отношении Федотов оказывается близок к финальным (по времени) суждениям Розанова, связанным с переживанием нужды в государстве, значения Царства и его деятелей, — так что Розанов одновременно пытается и самого Ключевского возвести, представить такого рода деятелем — понять его в этом ряду, — и в то же время нужды

И Розанов напишет в 1912 г., поминая учителя: «теперь „русская история“ и „Ключевский“ слились, и *понятие* первой неотделимо от *образа* второго» (Розанов, 2006: 102). Он увидел историю «снизу», интимно — увидел как попович, выходец из духовного сословия:

«Служит»... это опять важно. Вся жизнь священника есть «служение», а служение бывает «по чину», то есть по порядку, — в гармонии, одно другому наследуя и одно с другим согласуя. Вы видите, откуда порядок, и до какой степени «священник» и «порядок» — вещи неразъединимые. Отсюда-то и происходит то, что Струве неудачно назвал «консерватизмом». На самом деле в духовенстве вовсе нет никакого «консерватизма», а есть вечно «зизжди», как повторение и дальнейший рост и в истории Божественного «сотворяю». «И сотворил Бог небо и землю... и все твари... И благословил вся». Это для нас урок маленьким детям на Законе Божием, скоро забываемый, скоро захлебываемый другими впечатлениями. Для священника же это — вся жизнь его. Он вечно держит в уме порядок и должность и чин: без кого — все вообще разрушено, Церкви нет, его самого, священника, — нет. Хаос. [...] «почтение», почитание — взор, устремленный сверху вниз, — есть молоко, с младенчества впитываемое священником и всеми детьми священническими; без этого опять — «все пропало», «хаос», нет самой жизни. Все — строительное сословие, извечно строительное и до скончания веков строительное. Это не «консерватизм», как какое-то бессмысленное всего решительно «охранение», а активное, живое во всем разыскание доброго, светлого, гармонического, сотворяющего, «созидающего на завтра» (Розанов, 2008а: 49).

Но самое известное упоминание Розановым Ключевского все-таки до сих пор не названо — это завершение, последняя часть записи, помеченной первым днем Великого поста, из первого короба «Опавших листьев»:

В чистый понедельник грибные и рыбные лавки первые в торговле, первые в смысле и даже в истории. Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского (Розанов, 2015а: 47).

В 1913 г., на фоне скандала с исключением из Петербургского религиозно-философского общества, эта фраза стала предметом гневного цитирования (см. Полонский, 1995: 273–274³⁸), но, оставив те рассуждения за скобками, скажем — ведь это высшее признание Ключевского, высшее, с чем можно сравнить грибную лавку в чистый понедельник. А запись эта начинается с еще более известного:

в другом видении русской истории. Но нужды самой по себе, как известно, недостаточно для создания.

³⁸См. филологический анализ этой записи как ключевой для Розанова: Синаевский, 1995: 462–464.

Много есть прекрасного в России, 17-ое октября, конституция, как спит Иван Павлыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника — разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери.

И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие (Розанов, 2015а: 46).

ЛИТЕРАТУРА

- Академик М. К. Любавский и Московский университет / под ред. А. Я. Дегтярева, А. В. Сидорова. — М. : Парад, 2005.
- В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 т. Т. 1 / сост. В. А. Фатеева. — СПб. : РХГИ, 1995а.
- В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 т. Т. 2 / сост. В. А. Фатеева. — СПб. : РХГИ, 1995b.
- Герцен А. И. Былое и думы : части 4–5. — М. : Художественная литература, 1982.
- Голлербах Э. В. В. Розанов : жизнь и творчество. — Paris : YMCA-Press, 1976.
- Дурылин С. Н. В своем углу. — М. : Молодая гвардия, 2006.
- История идей и воспитание историей : Владимир Иванович Герье / под ред. Л. П. Репиной. — М. : ИВИ РАН, 2008.
- Исупов К. Г. Эстетическая историография В. О. Ключевского // В. О. Ключевский: pro et contra : Антология. — СПб. : Апостольский город — Невская перспектива, 2013. — С. 821–840.
- Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. — М. : Наука, 1966.
- Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси. — Сергиев Посад : Тип. А. И. Снегиревой, 1892.
- Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. — 3-е изд. — М. : Синодальная типография, 1902.
- Ключевский В. О. Очерки и речи : второй сборник статей. — Петроград : Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения, 1918.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V / под ред. Я. Барскова. — Петроград : Государственное издательство, 1921.
- Ключевский В. О. Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861–1870). — М. : Молодая гвардия, 1924.
- Ключевский В. О. Неопубликованные произведения / под ред. М. В. Нечкиной. — М. : Наука, 1983.

- Ключевский В. О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве 1872–1875 / под ред. Р. А. Киреевой, А. Ф. Киселева. — М. : Владос, 1997.
- Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — 4-е изд. — Минск : Лучи Софии, 1997.
- Милоков П. Н.* Воспоминания (1859–1917) / под ред. М. М. Карповича, Б. И. Элькина. — М. : Политиздат, 1991.
- Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский : история жизни и творчества. — М. : Наука, 1974.
- Николюкин А. Н.* Голгофа Василия Розанова. — М. : Русский путь, 1998.
- Николюкин А. Н.* Буслаев Федор Иванович // Розановская энциклопедия / сост. А. Н. Николюкина. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008a. — Стб. 171–172.
- Николюкин А. Н.* Любавский Матвей Кузьмич // Розановская энциклопедия / сост. А. Н. Николюкина. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008b. — Стб. 546.
- О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева : факсимильное издание / под ред. М. В. Нечкиной, Е. Л. Рудницкой. — М. : Наука, 1983.
- Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918) : в 2 т. — СПб. : Пушкинский дом, 2023.
- Покровский М. Н.* Курс русской истории проф. В. Ключевского [1904 г.] // Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). В 2 т. Т. 2. — М., Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1933. — С. 48–53.
- Полонский В. П.* Исповедь одного современника // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 т. Т. 2 / сост. В. А. Фатеева. — СПб. : РХГИ, 1995. — С. 267–284.
- Розанов В. В.* О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. — 1890. — С. 27–63.
- Розанов В. В.* О себе и жизни своей / сост. В. Г. Сукача. — М. : Московский рабочий, 1990.
- Розанов В. В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. / под ред. В. Г. Сукача. — М. : Танаис, 1994a.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 1. Среди художников : итальянские впечатления / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 1994b.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 3. В темных религиозных лучах : русская церковь и другие статьи / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 1994c.

- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского : литературные очерки. О писателях и писательстве / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 1996.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 12. Апокалипсис нашего времени : выпуски № 1–10. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2000.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 9. Сахарна : обонятельное и обязательное отношение евреев к крови / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2001а.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 13. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев : Переписка В. В. Розанова с Н. Н. Страховым. Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2001b.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 17. В нашей смуте : Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2004а.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 18. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2004b.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 19. Старая и молодая Россия : статьи и очерки 1909 г. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2004с.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 7. Когда начальство ушло... : Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. Мимолетное. 1914 год. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2005а.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 21. Террор против русского национализма : статьи и очерки 1908 г. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2005b.
- Розанов В. В.* Признаки времени : статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину / под ред. А. Н. Николюкина, В. Н. Дядичева. — М. : Республика, Алгоритм, 2006.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 23. На фундаменте прошлого : статьи и очерки 1913–1915 гг. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2007.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 24. В чадую войны : статьи и очерки 1916–1918 гг. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2008а.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. Религия и культура : статьи и очерки 1902–1903 гг. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2008b.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 27. Юдаизм : статьи и очерки 1898–1901 гг. / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2009а.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. Эстетическое понимание истории. (Статьи и очерки 1889–1897 гг.) / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2009b.

- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Ч. 2. Литературные изгнанники : статьи и очерки / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2010.
- Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год / сост. А. В. Ломоносова. — М. : Скимен, 2011.
- Розанов В. В.* Опавшие листья : в 2 кн. — СПб. : Пушкинский дом, 2015а.
- Розанов В. В.* Полное собрание сочинений. В 35 т. Т. 2. О писательстве и писателях : Литературные очерки. Тайна / под ред. А. Н. Николюкина. — СПб. : Росток, 2015b.
- Розанова Т. В.* Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 т. Т. 1 / сост. В. А. Фатеева. — СПб. : РХГИ, 1995. — С. 45–87.
- Розановская энциклопедия / сост. А. Н. Николюкина. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
- Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского. Аполлинария Суслова: биография в документах, письмах, материалах. — М. : Согласие, 1994.
- Синяевский А. Д.* С носовым платком в Царствие Небесное // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 т. Т. 2 / сост. В. А. Фатеева. — СПб. : РХГИ, 1995. — С. 444–478.
- Сукач В. Г.* Василий Васильевич Розанов : Биографический очерк. Библиография: 1886–2007. — М. : Прогресс-Плеяда, 2008.
- Фатеев В. А.* В. В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. — Л., 1991.
- Фатеев В. А.* Ключевский, Василий Осипович // Розановская энциклопедия / сост. А. Н. Николюкина. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — Стб. 462–465.
- Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. — 2-е изд. — СПб. : Пушкинский дом, 2013.
- Федотов Г. П.* Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. — СПб. : София, 1991.
- Цыганков Д. А.* В. И. Герье и Московский университет его эпохи : вторая половина XIX – начало XX вв. — М. : ПСТГУ, 2008.
- Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Чуковский К. И.* Открытое письмо В. В. Розанову // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 т. Т. 2 / сост. В. А. Фатеева. — СПб. : РХГИ, 1995. — С. 125–134.

Teslya, A. A. 2026. ““Teper” “russkaya istoriya” i “Klyuchevskiy” slilis” [“Now “Russian History” and “Klyuchevsky” Have Merged”]: V. V. Rozanov o V. O. Klyuchevskom [Vasily Rozanov on Vasily Kluchevsky]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 10 (3), 129–166.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW

SCIENTIFIC DIRECTOR

RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2437-5002

“NOW ‘RUSSIAN HISTORY’ AND ‘KLUCHEVSKY’ HAVE MERGED” VASILY ROZANOV ON VASILY KLUCHEVSKY

Submitted: May 05, 2026. Reviewed: June 17, 2026. Accepted: Aug. 31, 2026.

Abstract: Vasily Vasilyevich Rozanov (1856–1919) wrote on a wide range of topics throughout his life—from the theory of evolution to articles about theatre. In principle, this is not surprising for a journalist, especially one who has been writing for a major daily newspaper for more than a decade and a half. However, Rozanov, as is often forgotten, was a university man—in 1878–1882, he studied at the Faculty of History and Philology and graduated so successfully that he received an offer from one of the most famous (and influential) professors, V. I. Gerier, who held the chair of universal history, to stay at the university to prepare for a professorship. As is well known, Rozanov’s biography unfolded differently—he chose the path of a provincial gymnasium teacher, taught history and geography, only to soon realize how ill-suited he was to teaching—and then to spend many years trying to extricate himself from the life trap he had created for himself. Looking at Rozanov’s publicistic writings as a whole, it is hard not to acknowledge that the theme of the university is one of the constant ones, as is his reference to his university memories. One of the regular companions of these memories, and in the last decade of Rozanov’s life also an object of independent interest, was one of his university mentors—Vasily Osipovich Klyuchevsky (1841–1911). Rozanov was among the first listeners of his university lectures—those who would soon gain nationwide fame. In this article, we have systematically identified the body of Rozanov’s reviews of Klyuchevsky (unfortunately, as far as we know, no reviews by Klyuchevsky about Rozanov have survived), starting from the first printed mention of the historian and up to the records from 1917–1918, and analysed (mainly in chronological order) Rozanov’s detailed statements about Klyuchevsky. As a result, it was possible to reconstruct a fairly comprehensive and dynamic image of Klyuchevsky in Rozanov’s texts. In addition to the obvious interest from the perspective of understanding the public image of the historian, this provides additional material for understanding Rozanov’s views, since in the late 1900s and 1910s, Klyuchevsky largely served as, if not a “double,” then a “mirror” for Rozanov, reflecting part of his aspirations and at the same time providing material for self-criticism.

Keywords: Historiography, History of Universities, Moscow University in the 1870s–1880s, Russian History, Slavophilism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-129-166.

REFERENCES

- Chukovskiy, K. I. 1995. "Otkrytoye pis'mo V. V. Rozanovu [An Open Letter to V. V. Rozanov]" [in Russian]. In vol. 2 of *V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovatelyey. Antologiya [V. V. Rozanov: pro et contra. The Personality and Work of Vasily Rozanov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology]*, comp. V. A. Fateyev, 125–134. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- Degtyarev, A. Ya., and A. V. Sidorov, eds. 2005. *Akademik M. K. Lyubavskiy i Moskovskiy universitet [Academician M. K. Lyubavsky and Moscow University]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Parad [Parade].
- Durylin, S. N. 2006. *V svoeyem uglu [In His Corner]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Fateyev, V. A. 1991. *V. V. Rozanov. Zhizn'. Tvorchestvo. Lichnost' [V. V. Rozanov. Life. Creation. Personality]* [in Russian]. Leningrad.
- , comp. 1995a. [in Russian]. Vol. 1 of *V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovatelyey. Antologiya [V. V. Rozanov: pro et contra. The Personality and Work of Vasily Rozanov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- , comp. 1995b. [in Russian]. Vol. 2 of *V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovatelyey. Antologiya [V. V. Rozanov: pro et contra. The Personality and Work of Vasily Rozanov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- . 2008. "Klyuchevskiy, Vasiliy Osipovich [Klyuchevskij, Vasilij Osipovich]" [in Russian]. In *Rozanovskaya entsiklopediya [The Rozanov Encyclopedia]*, comp. A. N. Nikolyukin, Col. 462–465. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- . 2013. *Zhizneopisaniye Vasiliya Rozanova [The Biography of Vasily Rozanov]* [in Russian]. 2nd ed. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy dom [The Pushkin House].
- Fedotov, G. P. 1991. *Sud'ba i grekhi Rossii [Fate and Sins of Russia]: izbrannyye stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury [Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]* [in Russian]. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sofiya.
- Gertsen, A. I. 1982. *Byloye i dumy [My Past and Thoughts]: chasti 4–5 [Parts 4–5]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Gollerbakh, E. 1976. *V. V. Rozanov [V. V. Rozanov]: zhizn' i tvorchestvo [Life and Work]* [in Russian]. Paris: YMCA-Press.
- Isupov, K. G. 2013. "Esteticheskaya istoriografiya V. O. Klyuchevskogo [Aesthetic Historiography of V. O. Klyuchevskiy]" [in Russian]. In *V. O. Klyuchevskiy: pro et contra [V. O. Klyuchevskiy: pro et contra] : Antologiya [Anthology]*, 821–840. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Apostol'skiy gorod — Nevskaya perspektiva [Apostolic City — Nevsky Prospect].
- Kireyeva, R. A. 1966. *V. O. Klyuchevskiy kak istorik russkoy istoricheskoy nauki [V. O. Klyuchevskiy as a Historian of Russian Historical Science]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Klyuchevskiy, V. O. 1892. *Dobryye lyudi Drevney Rusi [Good People of Ancient Rus']* [in Russian]. Sergiyev Posad: Tip. A. I. Snegirevoy [The Printing House of A. I. Snegireva].

- . 1902. *Boyarskaya дума Drevney Rusi [Boyar Duma of Ancient Russia]* [in Russian]. 3rd ed. Moskva [Moscow]: Sinodal'naya tipografiya [Synodal Printing House].
- . 1918. *Ocherki i rechi [Essays and Speeches]: vtoroy sbornik statey [The Second Collection of Articles]* [in Russian]. Petrograd: Literaturno-izdatel'skiy otdel Komissariata narodnogo prosveshcheniya [Literary and Publishing Department of the Commissariat of Public Education].
- . 1921. *Kurs russkoy istorii [The Course of Russian History]* [in Russian]. Ed. by Ya. Barskov. Bk. V. Petrograd: Gosudarstvennoye izdatel'stvo [State Publishing House].
- . 1924. *Pis'ma V. O. Klyuchevskogo k P. P. Gvozdevu (1861–1870) [Letters of V. A. Klyuchevsky to P. P. Gvozdev (1861–1870)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- . 1983. *Neopublikovannyye proizvedeniya [Unpublished Works]* [in Russian]. Ed. by M. V. Nechkina. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1997. *Lektsii po russkoy istorii, chitannyye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve 1872–1875 [Lectures on Russian History, given at the Higher Women's Courses in Moscow 1872–1875]* [in Russian]. Ed. by R. A. Kireyeva and A. F. Kiselev. Moskva [Moscow]: Vldos.
- Koyalovich, M. O. 1997. *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam [The History of Russian Self-Consciousness in Historical Monuments and Scientific Works]* [in Russian]. 4th ed. Minsk: Luchi Sofii [Rays of Sophia].
- Milyukov, P. N. 1991. *Vospominaniya (1859–1917) [Memoirs (1859–1917)]* [in Russian]. Ed. by M. M. Karpovich and B. I. El'kin. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Nechkina, M. V. 1974. *Vasiliy Osipovich Klyuchevskiy [Vasily Osipovich Klyuchevsky]: istoriya zhizni i tvorchestva [History of Life and Works]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Nechkina, M. V., and Ye. L. Rudnitskaya, eds. 1983. *O povrezhdenii nraov v Rossii knyazya M. Shcherbatova i Puteshestviye A. Radishcheva [On the Decline of Morals in Russia by Prince M. Shcherbatov and A. Radishchev's Journey]: faksimil'noye izdaniye [Facsimile Edition]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Nikolyukin, A. N. 1998. *Golgofa Vasiliya Rozanova [Golgotha of Vasily Rozanov]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkiy put' [Russian Way].
- . 2008a. “Buslayev Fedor Ivanovich [Buslaev Fedor Ivanovich]” [in Russian]. In *Rozanovskaya entsiklopediya [The Rozanov Encyclopedia]*, comp. A. N. Nikolyukin, Col. 171–172. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- . 2008b. “Lyubavskiy Matvey Kuz'mich [Lyubavskiy Matvej Kuz'mich]” [in Russian]. In *Rozanovskaya entsiklopediya [The Rozanov Encyclopedia]*, comp. A. N. Nikolyukin, Col. 546. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- , comp. 2008c. *Rozanovskaya entsiklopediya [The Rozanov Encyclopedia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova (1896–1918) [Correspondence between V. V. Rozanov and P. P. Pertsov (1896–1918)] [in Russian]. 2023. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy dom [The Pushkin House].
- Pokrovskiy, M. N. 1933. “Kurs russkoy istorii prof. V. Klyuchevskogo [1904 g.] [The Course of Russian History by Prof. Klyuchevskiy (1904)]” [in Russian]. In vol. 2 of *Istoricheskaya*

nauka i bor'ba klassov (Istoriograficheskiye ocherki, kriticheskiye stat'i i zametki) [Historical Science and the Struggle of Classes (Historiographical Essays, Critical Articles and Notes)], 48–53. 2 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.

- Polonskiy, V. P. 1995. "Ispoved' odnogo sovremennika [Confession of a Contemporary]" [in Russian]. In vol. 2 of V. V. Rozanov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya [V. V. Rozanov: pro et contra. The Personality and Work of Vasily Rozanov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology]*, comp. V. A. Fateyev, 267–284. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- Repina, L. P., ed. 2008. *Istoriya idey i vospitaniye istoriyey [History of Ideas and Education through History]: Vladimir Ivanovich Ger'ye [Vladimir Ivanovich Guerrier]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IVI RAN [Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press].
- Rozanov, V. V. 1890. "O bor'be s Zapadom v svyazi s literaturnoy deyatelnost'yu odnogo iz slavyanofilov [On the Struggle with the West in Connection with the Literary Activity of One of the Slavophiles]" [in Russian]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 27–63.
- . 1990. *O sebe i zhizni svoey [About Myself and My Life]* [in Russian]. Comp. V. G. Sukach. Moskva [Moscow]: Moskovskiy rabochiy [Moscow Worker].
- . 1994a. *Inaya zemlya, inoye nebo... Polnoye sobraniye putevykh ocherkov 1899–1913 gg. [Another Land, Another Sky... Complete Collection of Travel Essays, 1899–1913]* [in Russian]. Ed. by V. G. Sukach. Moskva [Moscow]: Tanais.
- . 1994b. *Sredi khudozhnikov [Among the Artists]: ital'yanskiye vpechatleniya [Italian Impressions]* [in Russian]. Vol. 1 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 1994c. *V temnykh religioznykh luchakh [In Dark Religious Rays]: russkaya tserkov' i drugiye stat'i [The Russian Church and Other Articles]* [in Russian]. Vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 1996. *Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoyevskogo [The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky]: literaturnyye ocherki. O pisatelyakh i pisatel'stve [Literary Essays. About Writers and Writing]* [in Russian]. Vol. 7 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2000. *Apokalipsis nashego vremeni [The Apocalypse of Our Time]: vypuski № 1–10. Tekst "Apokalipsisa...", publikuyemyy pervyye [Issues No. 1–10. The Text of "The Apocalypse...", Published for the First Time]* [in Russian]. Vol. 12 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2001a. *Literaturnyye izgnanniki. N. N. Strakhov. K. N. Leont'yev [Literary Exiles. N. N. Strakhov. K. N. Leontiev]: Perepiska V. V. Rozanova s N. N. Strakhovym. Perepiska V. V. Rozanova s K. N. Leont'yevym [Correspondence between V. V. Rozanov and N. N. Strakhov. Correspondence between V. V. Rozanov and K. N. Leontiev]* [in Russian]. Vol. 13 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2001b. *Sakharna [Sakharna]: obonyatel'noye i obyazatel'noye otnosheniye yevreyev k krovi [The Olfactory and Obligatory Attitude of Jews Toward Blood]* [in Russian]. Vol. 9 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.

- . 2004a. *Semeynyy vopros v Rossii. Tom I i II. Materialy dlya III toma* [The Family Question in Russia. Volume 1 and II. Materials for Volume III] [in Russian]. Vol. 18 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2004b. *Staraya i molodaya Rossiya* [Old and Young Russia]: *stat'i i ocherki 1909 g.* [Articles and Essays, 1909] [in Russian]. Vol. 19 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2004c. *V nashey smute* [In Our Turbulence]: *Stat'i 1908 g. Pis'ma k E. F. Gollerbachu* [Articles from 1908. Letters to E. F. Gollerbach] [in Russian]. Vol. 17 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2005a. *Kogda nachal'stvo ushlo... [When the Authorities Left...]: Kogda nachal'stvo ushlo... 1905–1906 gg. Mimoretnoye. 1914 god.* [When the Authorities Left... 1905–1906. Fleeting. 1914] [in Russian]. Vol. 7 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2005b. *Terror protiv russkogo natsionalizma* [Terror against Russian Nationalism]: *stat'i i ocherki 1908 g.* [Articles and Essays from 1911] [in Russian]. Vol. 21 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2006. *Priznaki vremeni* [Tags of the Time]: *stat'i i ocherki 1912 g. Pis'ma A. S. Suvorina k V. V. Rozanovu. Pis'ma V. V. Rozanova k A. S. Suvorinu* [Articles and Sketches of 1912. Letters from A. S. Suvorin to V. V. Rozanov. Letters from V. V. Rozanov to A. S. Suvorin] [in Russian]. Ed. by A. N. Nikolyukin and V. N. Dyadichev. Moskva [Moscow]: Respublika / Algoritm.
- . 2007. *Na fundamente proshlogo* [On the Foundation of the Past]: *stat'i i ocherki 1913–1915 gg.* [Articles and Essays 1913–1915] [in Russian]. Vol. 23 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2008a. *Religiya i kul'tura* [Religion and Culture]: *stat'i i ocherki 1902–1903 gg.* [Articles and Essays 1902–1903] [in Russian]. Vol. 26 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2008b. *V chadu voyny* [In the Throes of War]: *stat'i i ocherki 1916–1918 gg.* [Articles and Essays 1916–1918] [in Russian]. Vol. 24 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2009a. *Esteticheskoye ponimaniye istorii. (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.)* [Aesthetic Understanding of History. (Articles and essays from 1889–1897)] [in Russian]. Vol. 28 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2009b. *Yudaizm* [Judasim]: *stat'i i ocherki 1898–1901 gg.* [Articles and Essays 1898–1901] [in Russian]. Vol. 27 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2010. *Literaturnyye izgnanniki* [Literary Exiles]: *stat'i i ocherki* [Articles and Essays] [in Russian]. Vol. 29, bk. 2 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2011. *Mimoretnoye. 1915 god* [Fleeting Away. 1915] [in Russian]. Comp. A. V. Lomonosov. Moskva [Moscow]: Skimen.
- . 2015a. *O pisatel'stve i pisatelyakh* [On Writing and Writers]: *Literaturnyye ocherki. Tayna* [Literary Essays. The Mystery] [in Russian]. Vol. 2 of *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Collection of Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 35 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rostok.

- . 2015b. *Opavshiye list'ya [Fallen Leaves]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy dom [The Pushkin House].
- Rozanova, T. V. 1995. "Vospominaniya ob ottse — Vasilii Vasil'yeviche Rozanove i vsey sem'ye [Memories of Father — Vasily Vasilyevich Rozanov and the Entire Family]" [in Russian]. In vol. 1 of *V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya [V. V. Rozanov: pro et contra. The Personality and Work of Vasily Rozanov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology]*, comp. V. A. Fateyev, 45–87. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- Saraskina, L. I. 1994. *Vozlyublennaya Dostoyevskogo. Apollinariya Suslova: biografiya v dokumentakh, pis'makh, materialakh [Dostoevsky's Beloved. Apollinaria Suslova: A Biography in Documents, Letters, and Materials]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasiye.
- Sinyavskiy, A. D. 1995. "S nosovym platkom v Tsarstviye Nebesnoye [With a Handkerchief to the Kingdom of Heaven]" [in Russian]. In vol. 2 of *V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya [V. V. Rozanov: pro et contra. The Personality and Work of Vasily Rozanov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology]*, comp. V. A. Fateyev, 444–478. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- Sukach, V. G. 2008. *Vasiliiy Vasil'yevich Rozanov [Vasily Vasilyevich Rozanov]: Biograficheskoy ocherk. Bibliografiya: 1886–2007 [A Biographical Sketch. Bibliography: 1886–2007]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Progress-Pleyada.
- Tsygankov, D. A. 2008. *V. I. Ger'ye i Moskovskiy universitet yego epokhi [V. I. Guerrier and Moscow University of His Era]: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: PSTGU [St. Tikhon's University Publishing House].
- . 2010. *Professor V. I. Ger'ye i yego ucheniki [Professor V. I. Guerrier and His Students]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN.